

А. С. ПУШКИН И Е. А. КАРАМЗИНА

(Литературный этюд)

Мглистые сумерки завладели улицами Санкт-Петербурга, и Петр на коне казался летящим в воздухе. Цоколь памятника уже поглотила, съела мгла.

Свет из освещенных комнат дома Сергея Львовича Пушкина падал на улицу и быстро растворялся в сумерках.

В кабинете хозяина дома для очередного литературного чтения собрались В. А. Жуковский, дядюшка Василий Львович и другие.

Николай Михайлович Карамзин обещал прочитать отрывки из недавно им написанной «Истории Государства Российского».

В этот раз он приехал в город Петра со своей второй женой — молодой и красивой Екатериной Андреевной Колывановой. Эта фамилия маскировала далекий грех старого князя Вяземского. Екатерина Андреевна была его родной дочерью — сестрой поэта Петра Вяземского. Она родилась в Ревеле — Ревель звался по-русски Колыванью, отсюда и ее фамилия — Колыванова.

В своих злоязычных записках Вигель, покоренный красотой молодой Карамзиной так описал ее: «Она была бела, холодна, прекрасна, как статуя древности. Если бы в голове язычника Фидиаса могла блеснуть христианская мысль и он захотел бы изваять Мадонну, то, конечно, дал бы ей черты Карамзиной в молодости».

Но вернемся в кабинет Сергея Львовича.

Утонув в подушках дивана, в ленивой позе избалованного судьбою человека, сидел Жуковский. Василий Львович по обыкновению беспокойно ерзал на стуле. Сергей Львович по-

местился в отдалении у фортепиано в вольтеровском глубоком кресле. На него падала тень от зеленого абажура. Он играл своим дорнетом, то медленно раскрывая, то закрывая его. Его пятилетний сын Александр притаился в уголке дивана. Он бросал быстрые, косые взгляды на мать, Надежду Осиповну: его могли отправить спать, а он любил слушать.

Но когда началось чтение, ребенок забыл все и не спускал загоревшихся глаз с Карамзина. Он видел только юваренное свечами худое лицо Николая Михайловича и его бледный лоб с нависшими космами полуседых волос.

Карамзин читал глухим, немного осипшим голосом — еще не прошла недавняя простуда. Иногда он приостанавливался, перебирал листы рукописи и снова принимался читать. Слушатели видели и слышали, как с гиканьем и визгом на низкорослых лошадях летели татары, как пели в воздухе стрелы и умирали воины на рубежах своей земли.

Глава закончилась, Карамзин умолк и обвел всех лучистым взглядом серых глаз. Румянец воодушевления сошел с его лица. Екатерина Андреевна подошла к нему и ласково обвязала его шею шелковым шарфом.

Так впервые Пушкин увидел Екатерину Андреевну, но тогда ее заслонили картины исторического прошлого, воссозданные в «Истории Государства Российского», заслонила импозантная фигура поэта-историка.

Проходят годы. Пушкин учится в лицее. Ему 17 лет. Хотя он еще юн, на него уже смотрят, как на будущую литературную силу. Литературные друзья отца и дяди привлекают его к участию в литературном обществе «Арзамас». Среди приглашавших Пушкина был и Н. М. Карамзин. В журнале «Вестник Европы» за 1814 год появилось и первое стихотворение юного поэта — «Другу-стихотворцу».

Естественно, что когда Карамзины переехали жить в Царское Село, молодой Пушкин получил приглашение бывать у них. Ведь тут же находился и лицей.

Екатерина Андреевна в это время цвела красотой женщины бальзаковского возраста — ей было 36 лет. Она могла привлекать и привязывать к себе людей. Это была сердечная, умная и образованная женщина.

Страстный и увлекающийся Пушкин влюбился в Карамзину и послал ей письмо — он умолял ее прийти на свидание с ним. Екатерина Андреевна показала письмо мужу, и супруги

решили отрезвить юношу. Они вызвали Пушкина и жестоко отчитали его. Роль моралиста взял на себя Николай Михайлович.

Юрий Тынянов — ныне покойный историк и теоретик русской литературы, написал большой роман «Пушкин». Крупный исследователь биографии и поэзии А. Пушкина, он, работая над третьей частью своего романа, заново пересмотрел вопрос о взаимоотношениях поэта и Карамзиной. В результате этого изучения появилась статья «Безымянная любовь».

Основная мысль статьи Тынянова та, что вечно горевший, многократно увлекавшийся писатель, имевший длинный дон-жуанский список, тоже имел свою Беатриче, его сердце тоже было охвачено чистым, ровным, негаснущим пламенем. Этим подлинным гением чистой красоты явилась для него Е. А. Карамзина. Ее имя он зашифровал — N. N.

Если позднейшее чувство Пушкина к Анне Петровне Керн началось высоко и обогатило русскую лирику таким шедевром, как «Я помню чудное мгновенье», но закончилось плоской, банальной связью, то, наоборот, юношеское увлечение Екатериной Андреевной, несмотря на поражение и разгром, перешло в высокий платонизм чувства.

Ю. Н. Тынянов так изобразил в своем романе сцену между Карамзинскими и Пушкиным.

«Он... до сих пор нелепо держал в пальцах... записку, как будто онемел и не понимал, что это такое. Тут она засмеялась — это действительно было смешно. Он опомнился, посмотрел на этот листок и скемкал. Наконец, он поднял голову и посмотрел на нее с удивлением. Но она смеялась все громче.

И тогда он понял, что его любовь, надежда, все его стихи, жизнь, — все, что он о ней думал, будущее — все осмеяно, ничего нет, ничего не будет. Она смеялась над ним все громче. И, совершенно неожиданно для себя, он заплакал, неудержимое, без слов, держа в руке сложенную записку. Так не плакал он и ребенком. Он плакал, и слезы не струились, не текли, а прыгали у него, и темно-зеленая кожаная ручка дивана через минуту блестела, как омытая дождем.

Николай Михайлович тихо удалился...

Пушкин поднялся, выпустил наконец из руки записку-комочек и убежал...»

Ясно, что это только художественная реконструкция. Из

отдельных черточек, разбросанных в мемуарах и других материалах, Тынянов создал цельную картину.

Пушкин усвоил данный ему урок, внешне он изменил свое поведение, но в глубине души сохранил свое прежнее, но углубившееся чувство.

Дружеские отношения, не без колебаний, сохранились и с Н. М. Карамзиным. Карамзин всегда был джентльменом. Когда А. С. Пушкину грозила ссылка, они вместе с Жуковским хлопотал за поэта.

В свою очередь и Пушкин посвятил своего «Бориса Годунова» — «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина».

Снова постоянным гостем в карамзинском доме писатель стал уже после смерти Николая Михайловича, после своего возвращения из михайловской ссылки. К 1827 году относятся его стихотворения: «В степи мирской, печальной и безбрежной...», вписанное в альбом Софьи Николаевны (это падчерица Е. А., дочь от первого брака Карамзина), и «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» (это первый ребенок Е. А. от брака с Карамзиным).

Сперва А. С. Пушкин бывает в этой семье один, а с 1831 года — со своей женой Натальей Николаевной, а потом и с ее сестрами.

Можно думать, что нежное чувство к поэту затаила в своем сердце и Екатерина Андреевна. Это прорывается в ее письме к Пушкину. Это ответ на известие о его женитьбе на Гончаровой. Я позволю себе привести это многоговорящее письмо почти полностью. Это немного, что сохранилось от переписки Карамзиной с Пушкиным.

Письмо от 3 марта 1831 года из С. Петербурга написано на французском языке — я даю в русском переводе.

«Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим счастьем и выразить вам мои пожелания, чтобы оно оказалось столь прочным и полным, насколько это вообще возможно в нашем мире.

Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы.

Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежду, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, на-

сколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе выбрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги... Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее нежную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно, если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои, как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали».

Как много в этом письме «душевного жара», чуткости, понимания характера Пушкина, заботы о нем, желанья счастья бурному гению, несчастливому, как все гении.

Да это и неудивительно — Е. А. Карамзина была незаурядной женщиной.

Дом Карамзиных был одним из центров русской культуры — это было и при жизни Н. М. Карамзина, и после его смерти в 1826 году — в 30-40-х годах 19-го столетия.

Вот отзывы современников.

«Все, что было известного и талантливое в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных», — пишет один.

Другой сообщает: «Глинка, Брюлов, Даргомыжский — словом все, что носило известное в России имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный, милый, высоко-эстетический дом».

«Там выдавались «дипломы» на литературные таланты», — отмечает третий.

В доме Карамзиных — в их гостиной — бывали писатели, поэты, музыканты, ученые, вельможи, великосветские красавицы, дипломаты, гусарские поручики, с которыми Софья Карамзина танцевала на придворных балах.

Дочь поэта Ф. Тютчева вспоминала: «Здесь всегда можно было узнать самые последние политические новости, услышать интересное обсуждение вопроса дня или только что появившейся книги; отсюда люди уходили освеженные, отдохнувшие и оживленные».

Это был единственный великосветский литературный салон, где, в отличие от других светских домов, не играли в карты, не сплетничали, а обменивались мыслями и признавали русскую речь.

Это было каждый вечер, который затягивался иногда до четырех часов утра.

Хозяйкой салона была Екатерина Андреевна. Но душою, главным действующим лицом и самой занимательной собеседницей — Софья Николаевна, дочь Карамзина от первого брака с Е. Протасовой, владевшая даром легкого, свободного разговора.

Впрочем, почему бы нам не пройти на Михайловскую площадь, где живут Карамзины? Их дом — рядом с только что отстроенным Михайловским театром, квартира в третьем этаже.

Уже наступил вечер и можно зайти — они ежедневно принимают по вечерам. Хозяева милые и гостеприимные люди. Им нравятся все причастные к литературе.

Лестница. Входная дверь. Мы в квартире.

Отодвинем портьеру и войдем в большую гостиную. Убранство самое незатейливое: большие кресла, обитые красным шерстяным штофом, сильно выцветшим от времени, красная оттоманка, легкие соломенные стулья. Большая лампа на столе и два стеновых кенкета в противоположных концах комнаты. На окнах спущены шторы. Семейная обстановка — гости за овальным чайным столом. Весело и непринужденно проходит очередное чаепитие.

Угощение — крепкий чай с очень густыми сливками и тонкие тартинки из хлеба со свежим маслом.

Хохочет Софи, разливая чай, — недаром ее прозвали «Самовар-паша». От природы она смешлива, и позже о ней Лермонтов напишет:

«Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи».

Дурачится ее сводный брат Александр. Сидит оживленная Екатерина, которой Пушкин написал:

«Так посвящаю с умилением
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес».

Это «вторая» Екатерина — дочь Екатерины Андресвны.

В гостях князь Петр — так называют молодого Вяземского — склонный к язвительному остроумию, и тишайший, благодушный Жуковский.

Каламбурит блестящий кавалергард Жорж Дантес и влюбленно смотрит на него Екатерина Гончарова. Глубоко задумался Пушкин — его мучит многое: Натали, отсутствие денег, нападки критики, трудности с цензурой, судьба журнала «Современник». Он в предчувствиях большой беды.

Действительно — фатальный январь 1837 года был не за горами.

И он пришел, этот январь — с метелями, морозом, снегом. Прогремели выстрелы дуэльных пистолетов. Истекающего кровью Пушкина в карете барона Геккера отвозят домой.

Старый, поседевший камердинер Никита бережно вносит своего барина в его кабинет, где на диване среди книжных полок кончится жизнь писателя.

Чувство невыносимой тоски, обычное при воспалении брюшины, не проходит.

Все лечение сводится почти исключительно к холодным компрессам и опиуму. Умирание длится почти двое суток.

После нестерпимо мучительной ночи Пушкин утром 26-го января простился с женою и детьми, пожал руки Жуковскому,

Вяземскому, Виельгорскому и пожелал проститься с Екатериной Андреевной Карамзиной.

Ее в это время не было. За ней поехали и привезли ее через несколько минут.

В письме к любимому сыну Андрею — суббота, 30 января 1837 года, Петербург — она описала это последнее свое свидание с Пушкиным.

Письмо написано по-русски — только на родном языке могла Екатерина Андреевна выразить всю силу своей скорби.

«Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа — тоскою и горестью; закатилась звезда светлая. Россия потеряла Пушкина ! . . . » .

« . . . я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал . . . Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, а потом махнул, чтобы я вышла. Я уходя осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: перекрестите еще; тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен, как полотно, но очень хорош . . . »

На другой день Пушкин умер.

От многих его страстей остался лишь пепел. От этой любви молчаливой, затаенной осталось сияние. Оно вспыхнуло в юности и проводило поэта в иной мир — мир без печали и воздыхания.

Вадим Тургаев .

СОВРЕМЕНИК

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОСНОВАН ПРОФ. Л. И. СТРАХОВСКИМ

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжеудростию узкой,
Что с гордостью я всем сказать могу, я — русский,
Что пламенем одним с Россией я горю.

А п о л л о н М а й к о в

Декабрь 1967

№ 16

Торонто

Канада